

Николай Цуканов

ПОСЛУШНИЦА

*Кировоград
2013*

*В оформлении обложки использована работа
Владимира Остроухова «Церковь в лесу»*

Яркое пламя в считанные минуты охватило деревянное здание детского дома. Поднимаясь всё выше и выше, оно уничтожало на своем пути все. Сильный осенний ветер, ни на секунду не затихая, еще сильнее раздувал жаркий огонь, раскачивая его из стороны в сторону. Ночное небо озарилось пламенем пожара, зарево от которого было видно на много километров. Прибывшие пожарные безуспешно пытались сбить пламя тремя мощными водяными струями брандспойтов.

В двухстах метрах от здания толпились спасенные дети. Младшие жалобно плакали, а старшие перепуганными глазами всматривались в огромный, невиданный ранее костер. Вокруг них в одной ночной сорочке бегала молодая женщина, пытавшаяся успокоить детей. Ее волосы безжалостно трепал ветер, руки и лицо были перепачканы сажей. Но в эту минуту она совершенно не задумывалась о своем виде, безуспешно пытаясь утешить и пересчитать детей. Вдруг она громко закричала, на миг заглушив звуки детского плача и треска горящего дерева, и бросилась к горящему дому. В нескольких метрах от пылающего здания ее остановил пожарный, одетый в защитный костюм.

– Куда ты прешь, дура? – заорал он на нее. Но та, не обращая на него внимания, рвалась к пылающему дому.

«Ну, что же вы, глупые, неужели ничего не понимаете?! – будто говорили ее обезумевшие от страха глаза. – Там еще дети!»

– Там дети! – что силы закричала она.

– Дети? Какие дети? Ты что, из ума выжила, смотри – все полыхает! Еще пять минут – и все рухнет!

Женщина упала на землю и еще громче запричитала:

– Дети, дети, что с вами будет?

Пожарный схватил ее за ночную сорочку и громко крикнул на ухо:

– Не ори! Где они могут быть? Сколько их?

Женщина на секунду замешкалась, а затем произнесла:

– Две!

– Что две? – снова заорал пожарный.

– Две девочки. Там, – указала она. – В сторону от двери, по лестнице на второй этаж, в конце коридора комната направо, – и снова запричитала:

– Они совсем маленькие! Им еще нет и года!

Парень, не задумываясь, кинулся в проем входной двери горевшего здания.

– Ты куда? – закричал командир отделения. Но его возглас заглушил шум горящего дерева.

Раздался рев сирен машин скорой помощи. Одна за другой они останавливались там, куда не доставал жар бушевавшего пламени. Медики, увидев детей, от страха сбившихся в кучу, побежали в их сторону.

Секунды тянулись вечностью. Струя воды одного из брандспойтов переместилась в сторону дверного проема в надежде, что там вот-вот появится пожарный. Время шло, но из горящего дома больше никто и не выходил.

Вдруг затрещали и рухнули стропила крыши здания. Казалось, еще мгновение – и рухнет перекрытие балок и второй этаж дома. Женщина так и стояла на коленях, простирая руки к небу, и обессилено что-то причитала.

– Галина! Галочка, тихо, тихо, успокойся, – утешал ее подбежавший мужчина.

Вдруг все находящиеся рядом с пожаром опешили от неожиданности. Не из проема двери, а откуда-то из-за горящего дома появился пожарный, крепко прижимавший к груди сверток из одеяла. Нижняя задняя часть его куртки полыхала огнем.

– Врача! Срочно врача! – кричал он.

Медики торопливо бросились к нему. Развернув покрывало, они увидели два маленьких тела. Один ребенок громко плакал, второй не подавал никаких признаков жизни.

– Она умерла! – закричала Галина.

Пока один доктор осматривал плачущую девочку, вторая, женщина-врач, подхватила бездыханное тело другого ребенка и побежала к машине скорой помощи. Завыв сиреной, та на всей скорости умчалась прочь.

Вдругой машине врач, осматривавший вторую девочку, констатировал, что она здорова и ее жизни ничего не угрожает. Завернув ее в одеяло, доктор направился к автобусу, в который усаживали перепуганных детей. Руководивший посадкой полноватый мужчина невысокого роста кричал в трубку мобильного телефона:

– Я не знаю ничего, это приказ первого, делай что хочешь! Но чтобы к нашему приезду нашел, куда поселить сорок два ребенка!

На время успокоившаяся сотрудница детского дома опять зарыдала.

– Сорок один, их всего сорок один! Одна девочка погибла! – заголосила она.

– Сорок один, – машинально повторил мужчина в трубку. – И приготовь еду и одежду. Да хоть свою сними, но чтобы нашел, во что одеть всех! Они здесь почти что голые.

Отправив автобус, он набрал на мобильном телефоне следующий номер:

– Иван Степанович, я сделал все, как вы приказали. До утра всех разместим в интернате соседнего района, а как выспятся, будем определять, кого куда. Да, конечно накормят. И врач всех на месте обследует. Я туда направил психолога, пусть поработает с детворой и персоналом. Да, еще. Доложили, что один ребенок умер, задохнулся гарью. – Потом, помолчав, добавил: – И я вам так скажу – очень

сильно повезло. Если бы не бессонница у дежурившего охранника, который вовремя разбудил воспитателей, а те уже вывели детей, то могло быть гораздо хуже! – И тут же начал оправдываться, – Я понимаю, что каждая смерть на нашей совести! Но ведь сколько уже говорилось – деревянные постройки ненадежны! Да и проводка старая...

По его виду было понятно, что невидимый собеседник повысил голос.

– Да-да, Иван Степанович, я вас понял, останусь до конца, пока не разберёмся что к чему. – Затем, помолчав, в нерешительности произнес: – Тут парень из пожарных проявил настоящее геройство – вытащил из самого пекла детей. Может надо его... Извините, я понимаю, что не вовремя, это так, к слову...

В это время в машине скорой помощи, умчавшейся в ночную мглу, молодая врачиха делала все возможное для того, чтобы спасти ребенка. Она впервые попала в такую ситуацию, и поэтому лихорадочно вспоминала, как в таких случаях нужно поступать. Одев на личико девочки кислородную маску, она ввела в вену на руке малышки нужное лекарство. Врач понимала, что у ребенка выжить в такой ситуации есть всего один шанс из тысячи, но подсознательно ждала и надеялась на чудо. И когда малышка, в конце концов, подала первые признаки жизни, она услышала, как разрыдалась находившаяся рядом медицинская сестра.

– Быстрее, быстрее! – закричала врач водителю. – Гони быстрее, есть шанс! Она будет жить! Бог не может забрать жизнь у такой крохи!

Дети были накормлены и размещены в разных комнатах корпусов интерната. Когда суета спала, молодая воспитательница, на чьих глазах произошла трагедия, подо-

шла к спящей белокурой девочке, которую чудом спас пожарный, нежно погладила ее по голове, посмотрела на открывшуюся маленькую родинку на правом ушке, заплакала и тихо прошептала:

– Ну вот, Зочка, ты осталась одна на этой земле. Ушли все – погибли мама с папой, а вот теперь и твоей сестрички, твоей кровиночки больше нет, – она еще раз посмотрела на родинку. – А я ведь так вас всегда и различала – по родинкам на ушках. Господи! Ну почему ты так несправедлив, забирая жизнь у тех, кто еще не видел ее по-настоящему?

На какое-то мгновение она задумалась, затем, еще раз погладив спящую Зою, решительно прошептала:

– Нет, ты не будешь одинокой! У тебя будет мама, папа и братик...

Но ее решению, принятому в порыве чувств, не так просто было сбыться. Она даже не думала, что главным препятствием этому станет ее муж Анатолий. Как она его не уговаривала, он стоял на своем, подтверждая собственную позицию различными аргументами.

– Ты подумай, Галя ведь мы еще молоды и можем родить не одного ребенка. А эта? Откуда ты знаешь, кто ее родители? Может алкоголики, а может – сумасшедшие. В конце концов, вдруг она больна, и от нее попросту отказались. Нет! Я ни за что не дам своего согласия на удочерение. И даже не проси меня об этом.

– Толя, ну как ты можешь так рассуждать? Я же сама видела документы. Эта молодая пара трагически погибла. А других родственников нет. И я же тебе говорила – погибла также ее сестричка! Как ты не поймешь – я всю жизнь буду мучиться из-за того, что не уберегла малышку.

– Да причем тут ты! – вскричал Анатолий. – Если б не вы со сторожем, то сегодня не было бы в живых многих детей!

Но Галина решила пойти на хитрость. Как-то, возвра-

тившись домой, Анатолий услышал детские голоса – сына Алексея и смех незнакомой девочки. Войдя в комнату, он увидел играющих на полу детей. Алексей вскочил и крикнул:

– Папа! Папа пришел!

Маленькая девчушка с белокурыми длинными волосами, увидев вошедшего мужчину, поднялась и несмелыми шагами двинулась навстречу, неумело повторяя:

– Папа плисол...

Тот, растерявшись, стоял, не зная, что делать. А девочка, копируя Алексея, подняла руки и протянула их навстречу Анатолию. Вошедшая вслед Галина, увидев растроганное лицо мужа, поняла, что, в конце концов, добилась своего.

Прошло больше месяца с тех пор, как чудом спасенная девочка попала в больницу. Хотя состояние ее здоровья давно уже не вызывало опасений, за ней так никто и не приехал. Посчитав мертвой, о ней просто забыли. В заведенной медицинской карточке даже не была указана фамилия девочки. Лишь короткая фраза, написанная дежурным врачом в правом верхнем углу, свидетельствовала о том, что она была доставлена как пострадавшая во время пожара детского дома. С первого дня персонал больницы называл девочку Тоней, в честь врача, спасшей ей жизнь. Вскоре девочка была выписана и отправлена в близлежащий детский дом, где чья-то рука к имени «Антонина» в документах добавила фамилию «Погорелова».

Так и росла Антонина Погорелова – сначала в детском доме, а затем, с шести лет – в школе-интернате. В этом заведении все мальчики и девочки были острижены наголо и носили одинаковую форму.

Училась Тоня очень хорошо. Преподаватели часто ее хвалили, что не нравилось многим ее одноклассникам.

Они часто подсмеивались над ней, пытались оскорбить или просто создать конфликтную ситуацию. Но, казалось, Тоня всего этого попросту не замечала, безропотно снося обиды. Она была замкнутым ребенком – многие часы девочка провела наедине с книгами.

Очень часто Тоня оставалась после уроков и помогала с уборкой класса, после чего шла в расположенную недалеко от интерната маленькую церковь. Сначала педагоги пытались запрещать ей выходить за пределы территории школы. Но на Антонину не действовали ни уговоры, ни угрозы. И вскоре учителя смирились с этой ситуацией, поняв, что через несколько проведенных в храме часов девочка обязательно вернется назад.

Тоня же, приходя в церковь, становилась в углу, чтобы никому не мешать, и, молча наклонив голову, слушала молитвы и церковные песнопения. Настоятель отец Михаил, обратив внимание на маленькую прихожанку, которая не пропускала практически ни одной вечерней службы, как-то подошел к ней, перекрестил, тихо читая молитву, а затем подал иконку с образом Николая-Чудотворца и произнес:

– Береги тебя Бог!

Тоня была счастлива от осознания того, что ей сделали первый в ее жизни подарок. Она по-детски прижала иконку к груди, будто боясь, что священник передумает и потребует ее назад.

Так начался ее путь к Богу. Она часто, а особенно в трудные минуты, приходила к убелённому сединой священнику и просила совета. Время от времени они подолгу беседовали. Тоня всегда находила понимание и поддержку у своего духовного наставника.

Через несколько месяцев после оформления процедуры удочерения и сбора необходимых документов Зою

забрали в семью. Галина Ивановна с мужем дарили свою любовь приемной дочери наравне с сыном Алексеем, который был старше ее всего на три года. Но чем больше выросли дети, тем чаще женщина с волнением и тревогой наблюдала за их отношениями – она видела, с какой нежностью родной сын относился к Зое. Он всегда дожидался сестру после школы, даже если его уроки заканчивались раньше. Взявшись за руки, они бродили по городу, часами просиживали в парке на скамье, что-то весело обсуждая и смеясь. Им нравилось бродить под дождем, возможно потому, что именно он сблизжал их – обнявшись, они тесно прижимались, согревая друг друга. Брат и сестра все любили делать вместе – ходить в кино, смотреть фильмы, слушать музыку.

Несмотря на то, что Алексею шел восемнадцатый год, его совершенно не интересовали другие девчонки. Конечно он, как и многие его сверстники, увлекался спортом, часами просиживал за компьютером, но в его поведении было что-то такое, что волновало мать. На вопросы Галины Ивановны, почему сын не ходит на дискотеку или в какой-нибудь клуб, он с улыбкой отвечал:

– Вот Зойка подрастет, и мы будем ходить с ней вместе.

Однажды, придя с работы, она застала дочь в слезах. У Галины Ивановны тревожно кольнуло в груди.

– Что случилось, доченька? – спросила она.

Зоя подбежала к ней, и, припав к груди, зарыдала.

– Мама! Мамочка! Это правда? Правда? – сбивчиво спросила она. Из-за слез девочка не смогла продолжать.

– Что правда? – переспросила Галина Ивановна.

– Я тебе не родная?!

У Галины Ивановны все внутри оборвалось. Ну какая, какая безжалостная тварь сказала об этом ребенку? Ведь она берегла эту тайну, не сообщив о ней даже повзрослев-

шему сыну. Женщина потрясенно молчала. Ее сердце учащенно билось. Ну как можно было так поступить! Как безгранична людская подлость! Почему, почему люди бывают так жестоки?

Немного успокоившись, она стала ласково гладить девочку по голове.

– Нет, доченька, ты мне родная! Ты моя любимая и родная дочь. Да, у тебя были родители, но всего лишь несколько месяцев. Они погибли.

– Как, как это произошло? Mamочка, расскажи мне. Я хочу знать всю правду.

– Я знаю только то, о чем говорили после их смерти о вас с сестрой... – тут она осеклась, понимая, что открыла еще одну тайну. «Какая ж я дура!» – мысленно обругала она себя, надеясь, что Зоя не придаст последним словам значения.

Но дочь подняла голову и, перестав плакать, посмотрела маме в глаза.

– Сестра? – спросила она. – У меня есть сестра?

Галина Ивановна зарыдала. А дочь трясла ее за плечи и жалобно повторяла:

– Mamочка, скажи, у меня есть сестра?

Галина Ивановна, немного успокоившись, взяла дочь за руку и усадила ее рядом на диван.

– Да, доченька, я давным-давно должна была тебе все рассказать, но не могла, вернее – не хотела травмировать твое маленькое сердце. Ведь вернуть ничего нельзя. Ни твоих родителей, ни сестру.

И она сбивчиво начала свой рассказ о том, что случилось много лет назад.

Возвратившись домой, Алексей застал их обнявшимися, с заплаканными глазами. «Ну что ж, – подумала Галина

Ивановна, – Как говорят, шила в мешке не утаишь...» И она повторила свой рассказ сыну. Они сидели молча, в каком-то оцепенении до тех пор, пока Зоя, поцеловав Галину Ивановну и прижавшись к ней, не сказала:

– Мамочка, я люблю тебя! И благодарна за все, за все, что ты сделала для меня. Я думаю, ты поймешь меня, если я скажу, что хочу найти могилу тех, кто дал мне жизнь, а также моей сестры.

– Да-да, моя девочка! Конечно же, мы сделаем это вместе!

Когда муж пришел домой, Галина Ивановна рассказала ему о случившемся. Анатолий вскипел.

– Какие сволочи! Подонки! – возмутился он. – Я узнаю, какая «сердобольная» душа рассказала это ребенку и своими руками оторву ей голову!

Жена с трудом успокоила его, аргументировав тем, что происшедшего все равно уже не вернуть.

– Такое случилось бы рано или поздно. Да и Зойка уже успокоилась, и продолжает считать нас своими родителями.

Окончив в интернате девять классов, Антонина твердо решила, что ее призвание – служить Господу. Узнав адрес близлежащего женского монастыря, она написала письмо его настоятельнице.

«Здравствуйте, матушка!

Я уже практически десять лет являюсь прихожанкой церкви, где настоятелем служит отец Михаил. И вот теперь, когда у меня появилось право самостоятельно принимать решение о своей дальнейшей судьбе, я решила уйти из мирской жизни.

Мое решение посвятить свою жизнь Богу появилось не сразу. Я часто думала об этом. Мы не раз обсуждали мою ситуацию с отцом Михаилом. Я одна на этой земле, и по-

нимаю, что кроме Господа, никому не нужна. Меня некому отговаривать от принятого решения уйти в монастырь. Да и согласитесь – каждый волен сам выбирать, идти ему по пути Божьему или нет.

Мне кажется, что я смогу своими помыслами, молитвами и делами в служении Всевышнему отмолить те грехи, которые выпали на жизненном пути моих родителей, о которых ничего не знаю».

Подумав, она дописала – «Раба Божья Антонина».

Девушка с нетерпением ждала ответа. И вскоре с дрожью в руках уже вскрывала тонкий конверт. Ей казалось, что если она получит отказ, то рухнут все ее надежды, весь мир. Глядя на подаренную отцом Михаилом икону, она перекрестилась и поспешно начала читать ответ.

«Здравствуй, Антонина!

Я уверена, что в твоём возрасте ещё рановато принимать такие решения. Ведь уйти в монастырь можно только однажды, раз и навсегда. Но понимая то, что тебе, по видимому, не с кем посоветоваться, я приглашаю тебя сначала приехать к нам, посмотреть, пожить и потрудиться в качестве паломницы. Так ты сможешь ближе познакомиться и с монастырем, и с теми, кто навсегда посвятил себя службе Богу. Поверь, это нелегкий выбор, это тернистый путь, идти которым дано немногим. А дальше сама жизнь подскажет тебе решение».

Антонина несказанно обрадовалась приглашению. Не зная, с кем поделиться этой радостной новостью, девушка поспешила в церковь к отцу Михаилу. Они вышли во внутренний дворик и сели на лавочку в тени березы. Священник чувствовал, что произошло что-то неординарное.

– Я очень благодарна вам, отец Михаил, за то, что все эти годы вы были рядом, помогали мне молитвами. А подаренная вами икона дала мне силы устоять в этом непро-

стом мире, – произнесла Антонина. – Сегодня я получила письмо от настоятельницы монастыря, она приглашает меня приехать к ним пожить, поработать, чтобы самой познать жизнь божьей обители изнутри. А уж потом принять решение. У меня нет человека ближе, чем вы, поэтому я только вам хочу доверить свою тайну и желание уйти в монастырь. Остальные меня не поймут. Да я и не хочу, чтобы кто-то знал об этом.

Она замолчала. Видя, что девушка не может справиться с волнением, отец Михаил решил ей помочь.

– Дочь моя, не каждый сможет решиться на такой поступок, отказавшись от мирской жизни. Ты должна знать, что монашеский постриг происходит не сразу. Сначала девушки живут в монастыре послушницами, а монахиней может стать женщина возрастом не моложе тридцати лет, которая осознает все последствия своего поступка. Значит, тебе многие годы предстоит быть послушницей. А послушание – это главный жизненный принцип для тех, кто живет в монастыре. Мне часто приходится править службу в божьих обителях. И я знаю, какая там жизнь. Готова ли ты к тому, что день в монастыре для тебя всегда будет начинаться в 6 утра? А затем – молитва в храме, потом литургия. И до вечерней трапезы – работа, работа и работа... В монастыре не читают газет и журналов, в библиотеке только духовная литература, нет телевизора и радио.

Антонина внимательно слушала, не перебивая священника. Что нового она узнала из его рассказа? Работа? Но она ее не боится. Телевизор? Но там одни разврат и насилие. Мирская жизнь? А что мирская жизнь?

– Отец Михаил, – обратилась она к нему. – А что хорошего в мирской жизни? Кругом одни искушения.

– Да, дитя мое, искушения подстерегают нас везде. Блажен тот человек, который не поддается им. Библия гово-

рит, что нас искушает не Бог, а наши желания. Именно они ведут людей к греху и в итоге губят их.

Он надолго замолчал. Каждый из них думал о своем. Затем отец Михаил продолжил:

– Я хочу благословить тебя. Пусть помыслы твои всегда будут чисты. И пусть вот этот крестик всегда хранит тебя! – он достал из кармана рясы небольшой серебряный крестик на черной толстой нитке и аккуратно повесил его на шею девушки.

На следующий после трудного, но необходимого разговора день Галина Ивановна обсудила с детьми план действий, главным в котором был поиск могил родителей и сестры Зои. Алексей с сестрой поехали в районную детскую больницу, куда скорая должна была привезти сестру после пожара. А Галина Ивановна отправилась на городское кладбище, чтобы узнать, где покоится прах четы Голубевых.

На дверях кабинета главврача висела табличка с надписью: «Сергеенко Владимир Климович, прием по личным вопросам – вторник-четверг с 14-00 до 16-00». Алексей машинально взглянул на часы. Они постучали и после приглашения вошли в небольшой кабинет. За столом сидел молодежавый, слегка лысоватый мужчина в очках. Посмотрев сквозь их стекла на неожиданных посетителей, он спросил:

– И чем я могу быть полезен молодым людям? По-моему, в вашем возрасте редко нуждаются в услугах нашего заведения.

– Владимир Климович! Вы должны нам помочь! – уверенно произнес Алексей.

Врач удивленно произнес:

– Должен? – переспросил он. – И что же я должен моло-

дым людям?

– Нет, вы не поняли. Мы просим вас помочь в получении определенной информации, – и Алексей рассказал о причине их визита.

– Н-да, – протянул Владимир Климович. – Нелегкую вы мне поставили задачу. Умерла, говорите, в больнице. И в когда же это случилось? Я ведь тут работаю всего третий год, так что большого архива в моей голове еще нет. Фамилию напомните мне. Голубева? – он нажал на кнопку стоящего аппарата и сказал невидимой собеседнице:

– Любаша, будь добра, покопайся в архивах за... – он назвал год, – найди мне историю болезни Голубевой и, если есть, занеси. А вы, молодые люди, садитесь вон за тот столик, думаю, минут 15-20 вам придется подождать.

Звонок, заставивший Зою вздрогнуть, раздался значительно раньше. Это не укрылось от внимательного взгляда врача.

– Как нет? – удивленно переспросил он. – Ты внимательно пересмотрела? Что, с такой фамилией вообще никто в тот день не поступал? А сколько было детей? Двое? Неси обе карточки, разберёмся на месте.

Зоя сидела, боясь пошевелинуться. Неужели сестру могли отвезти куда-то в другую больницу? Но спросить об этом она не успела. Вошедшая высокая в белом халате девушка протянула бумаги врачу.

– Вот, все, что есть, Владимир Климович, – произнесла она.

– Так, – рассматривая документы, протяжно сказал врач. – Эта нам не подходит. Мальчик, пять лет. А эта? – он внимательно изучал документ, то перелистывая страницы, то снова возвращаясь к титульному листу. – Какая, вы говорите, фамилия? Голубева? Нет такой. Говорите, умерла ваша сестра? Думаю, что здесь какой-то ребус, который мы

должны разгадать. А как звали сестру? – подняв голову, он посмотрел на Зою. Та назвала имя.

– Какая-то ерунда. Здесь написано Антонина. Но фамилии нет. Вернее, она есть, но написана карандашом – Погорелова. Погорелова, Погорелова, – задумчиво протянул он. – Ну конечно, как я сразу не сообразил. Ведь девочка была доставлена машиной скорой помощи и, скорее всего, никто ее настоящих имени и фамилии не знал. – Он помнил ту шумевшую историю с пожаром. Откинувшись на спинку кресла и посмотрев в упор на Зою, он спросил:

– А кто вам сказал, что сестра умерла?

Зоя, ничего не понимая, в растерянности смотрела на него.

– Я думаю, что ваша сестра, – он помедлил с ответом, – жива. Да, я уверен в этом, – сказал он, заметив недоумение в глазах Зои. – Действительно, она была привезена в тяжелом состоянии и три дня находилась в реанимации. Если бы не действия врача скорой, то трагедии бы не избежали. Других пожаров в эти дни, и других детей, привезенных с пожара, не было! Значит, девочка выжила.

Зоя взволнованно вскочила. Она не понимала, что происходит.

– Как? Моя сестра жива? Но вы же сказали, что ее почему-то звали Антониной, да и фамилия совсем другая!..

Врач налил в стакан воды и передал его Алексею.

– Напои свою спутницу. Я понимаю ее состояние. Узнать, что все эти годы сестра была живой, и при этом оставаться спокойной – совсем непросто даже для взрослого человека.

Алексей сначала тоже ничего не мог понять. Но постепенно до него стал доходить смысл сказанного главврачом – Зоина сестра жива.

А врач спокойно продолжал:

– Я так себе мыслю. В тот момент никто не думал о том, какое имя писать в карточке. Может, записали со слов врача скорой, а возможно, кто-то что-то напутал, так часто бывает. А в тот миг было не до того, речь шла о спасении девочки. И минуты промедления могли стоить ей жизни.

– Но где, где моя сестра? – взволновано спросила Зоя.

– А вот этого я вам, дорогие мои, сказать не могу. Вернее, не могу сказать, где она находится сейчас. А вот выписана она была... – он помедлил, переворачивая страницы и во что-то вчитываясь. – Вот, нашел. Через два месяца она была выписана в детский дом. Правда, он находится не здесь, – он назвал город, куда в то далекое время попала Антонина. – Вот и расписка того, кто за ней приезжал.

– Ты слышишь, Лешка? Моя сестра жива! – еще не до конца веря в чудо, пролепетала Зоя. – Я должна ее найти!

– Не ты, а мы! – с обидой произнес Алексей. – И не твоя, а наша сестра.

Поблагодарив главного врача, он взял Зою за руку и вывел ее из кабинета. Вместе они поспешили домой, чтобы обрадовать отца и мать новостью, больше похожей на сказку.

Галина Ивановна никак не могла поверить в то, о чем захлеб рассказывали дети.

– Не может быть! Я же своими глазами видела ее бездыханное тело. И слышала слова врача – «Я не слышу пульса! Она, кажется, мертва!» – женщина перекрестилась. – Господи, прости, я была не права, когда усомнилась в тебе!

– А я сегодня нашла могилу, – она запнулась на мгновение. – Могилу Голубевых.

Когда Галина Ивановна приехала на кладбище и попросила смотрителя о помощи, тот укоризненно посмотрел на нее и произнес:

– Вот я вас, родственников никак не могу понять. Вроде с виду интеллигентные люди, а смотрю – и диву даюсь. Ну как можно годами не ходить на кладбище к своим родственникам? Могилу она не может найти! А сколько таких могил вы побросали! – он акцентировал на слове «вы», имея в виду всех тех, кто забыл о своем печальном родственном долге.

Галина Ивановна молча сносила упреки. Для нее главным было узнать, в какой части огромного кладбища находится могила. Смотритель, продолжая ворчать, достал толстую амбарную книгу, открыл наугад первую попавшуюся страницу и спросил:

– А вы хоть год смерти знаете?

– Да, – поспешила с ответом женщина.

– Уже легче, – произнес смотритель. Он долго листал страницы, внимательно водя пальцем сверху вниз. – Ага, вот, по-моему, то, что нужно. Голубевы, Голубевы... Сектор 17, ряд 6, могила 24. – Написав на клочке бумаги произнесенные цифры, он вышел из помещения и, указав пальцем в сторону, в которой нужно было искать нужную могилу, произнес: – Ну вот, с тебя бутылка, времени-то сколько отобрала.

Галина Ивановна не стала спорить, сунула купюру в его карман и отправилась в указанном направлении.

Пройдя с сотню метров, она поняла, почему смотритель так возмущался. Действительно, вокруг было множество запущенных, брошенных могил. На многих из них отсутствовали даже элементарные таблички с информацией о том, кто там покоится.

Вскоре Галина Ивановна подошла к нужному ряду и стала внимательно рассматривать каждое надгробие, вчитываясь в фамилии похороненных. Найдя нужную по счету могилу, она ужаснулась, увидев заросший высокими ку-

стами и сухой травой холмик. Боясь ошибиться, женщина опустила на колени и, прорывая стебли и ломая ветки, наконец-то добралась до таблички. Сомнений быть не могло. Сохранившаяся надпись, нанесенная краской, свидетельствовала о том, что именно здесь свое последнее пристанище нашла семья Голубевых. Галина Ивановна встала и огляделась, пытаясь запомнить место. Комок подступил к ее горлу. «Господи, сколько ушедших из жизни людей стерты уже и из памяти людской!»

Поиски сестры продолжались уже больше года. Казалось бы, что может быть проще, чем, зная имя и фамилию, найти человека? Они писали письма в различные инстанции и с нетерпением ждали ответа. Но приходившие отписки были лаконичны и почти идентичного содержания: «Сведений о гражданке Антонине Погореловой не имеем».

Алексей ушел в армию. Зоя поступила в институт, твердо решив стать педагогом. Она считала, что обязана отдать частицу своего тепла детям, так же, как ее приемная мать всю себя посвятила воспитанию неродного ребенка.

Девушка скучала по Алексею и почти каждый день писала ему письма, а, получая ответы, с каким-то внутренним трепетом открывала конверты, буквально впиваясь глазами в написанные строки. Она и сама не могла понять, что же так сильно ее тревожит и почему так учащенно бьется сердце, когда в руках оказывался листок бумаги с написанным Алексеем словами.

Практически каждый выходной она ездила на могилу, которая их совместными с мамой стараниями преобразилась и выглядела очень ухоженной. На небольшом памятнике, кроме надписи, теперь также находились фотографии родителей Зои. Это Алексею, еще до ухода в армию, в голову пришла светлая мысль о том, где можно их найти.

Он рассказал о семейной истории начальнику паспортно-гостоло, и после того, как ему нашли фотографии в архиве, сделал копии. Зоя была вне себя от радости – через много лет после рождения она наконец-то увидела людей, давших ей жизнь.

В этот день Зоя, как обычно, пришла из института, переоделась и принялась готовить ужин, дожидаясь маму. Вскоре у входной двери раздался звонок. «Что-то сегодня мама раньше обычного», – подумала она, взглянув на часы. Девушка открыла дверь и оцепенела от неожиданности. На пороге стоял Алексей.

– Лешка, ты? – она кинулась в объятия брату. Он, откинув спортивную сумку, прижал ее к себе.

– Зойка! А мама где? Отец? Я так по вас скучал! И больше всего – по тебе!

Он поцеловал ее сначала в щеку, а потом – в горячие губы. От этого касания как будто молния пронзила тело девушки. Ее сердце учащенно забилося. Все еще не понимая, что делает, она впилась в его губы ответным поцелуем. Девушка и парень не могли оторваться друг от друга. Вдруг Алексей подхватил Зою на руки и отнес в спальню. Расстегнув халат, он покрывал ее тело горячими поцелуями. «Я люблю тебя», – шептали его губы, а она, крепко прижавшись к парню, боялась вымолвить хоть одно слово.

«Кажется, я схожу с ума, – подумала она. – Что я делаю? Да, я схожу с ума. От его близости и тепла...»

Через какое-то время они устало лежали на кровати, крепко прижавшись друг к другу. Он нежно гладил ее волосы, заглядывая в лицо. В Зое все было прекрасным – длинные светлые локоны, разметавшиеся по подушке и груди, голубые зовущие глаза и ровный маленький носик. Он притронулся к нему губами и нежно поцеловал. А она, счастливая, с застывшей улыбкой, выражавшей внутреннее

блаженство, смотрела на него любящим взглядом взрослеющей женщины. Ей казалось, что она взлетела ввысь, в небо, и парит вместе с ним в струях теплого ласкового воздуха. Вдруг она взглянула на часы и резко вскочила.

– Лешка, быстрее вставай! Сейчас мама придет!

Парень обнял ее за талию, прижал к себе и принялся целовать шею.

– Дурачок, – она вырвалась и, застенчиво накинув халат, убежала на кухню.

Вскоре они все сидели за столом, весело смеясь и обсуждая счастливый случай, благодаря которому Алексею удалось получить отпуск. Галина Ивановна чувствовала какое-то изменение в отношениях детей, но отгоняла волновавшие ее мысли. «Это мне просто показалась, – думала она, перехватывая их взгляды. – Просто они соскучились».

Через два дня Алексей снова уехал. А Зоя с каждым днем ощущала все более странные изменения, происходящее в ее организме.

Однажды в субботний день девушка уехала на кладбище, а Галина Ивановна принялась за уборку в доме. Она любила, когда ей никто не мешает, не спеша пылесосить ковры, мыть полы и протирать мебель от пыли. «Надо поменять и перестирать постельное белье», – подумала она, зайдя в комнату дочери. Откинув подушку, на которой та спала, она увидела листок, исписанный рукою сына. Женщина в нерешительности протянула к нему руку. «Нет, не хорошо читать чужие письма, – подумала она. – Но это ж мои дети! – оправдывала она свои действия. – Я только самую малость, всего лишь взгляну!», – убеждала она себя. Но первые строки письма заставили ее бессильно опуститься на кровать и застыть в оцепенении. Она снова и снова перечитывала их, боясь продолжить.

«Моя любимая, мой единственный Зайчонок!

Два месяца прошло с того самого момента, как мы познали друг друга. Я безумно счастлив, что ты у меня есть, и что скоро у нас будет ребенок. Я понимаю твоё состояние, понимаю, что ты не находишь себе места и не знаешь, как признаться в этом маме. Я решил, что сам ей обо всём расскажу. Осталось совсем немного, всего два месяца, и я буду дома. Нет, наверное, сегодня же сяду и напишу ей письмо. Она поймет меня! Ведь через два месяца твой животик округлится и от нашей внимательной, любящей мамы не удастся скрыть эти изменения.

Ты, конечно же, переживаешь, что скажут люди. И, в первую очередь, мне безумно жаль маму, на которую свалится все это «счастье». Но ты же сама прекрасно знаешь – людям только дай тему, неважно, какой она будет. Конечно же, маме будет трудней всего. Но она сильная, и любит нас так же, как мы ее.

Береги себя и ребенка! Любящий тебя Лешка».

Галина Ивановна отрешенно сидела на кровати и не могла прийти в себя. «Что же делать, что делать?» – судорожно искала она выход из сложившейся ситуации. Перед ее глазами снова вспыхнул пресловутый пожар. Она вспомнила, какая паника ее тогда охватила. Что же она сделала неправильно? Не надо было удочерять девочку? Нет! Это решение было принято ею осознанно. Или воспитывать детей по-другому? Но как? Уговорить Зою сделать аборт? Нет. Она тут же выбросила эту мысль из головы. «Нет, я не вправе отнимать детскую жизнь. А может, Зоя просто внушила себе то, что она беременна? И что скажет Анатолий?» – она знала вспыльчивый характер своего мужа и боялась, не зная, чем вся эта история может закончиться.

«Угомонись, – сама себя успокаивала она. – Это не пожар. Есть время подумать. Ведь неправильным решением можно поломать жизнь и судьбу дорогих ей людей!» Она снова тщательно заправила постель, положив письмо обратно под подушку. Женщина решила действовать, не до-

жидаясь письма сына. Она позвонила мужу на работу и сказала, что им нужно срочно встретиться. Галина Ивановна боялась скандала, и поэтому решила переговорить с Анатолием на нейтральной территории, где-нибудь в кафе.

– Что случилось? – взволнованно спросил Анатолий. – Что за спешка? Ты же знаешь – конец месяца, работы много.

Галина Ивановна взяла Анатолия за руку и неожиданно спросила:

– Ты меня любишь?

– Я? Тебя? А почему ты спрашиваешь? – поинтересовался Анатолий. Он, не отрываясь, смотрел в ее глаза. За все совместно прожитые годы мужчина никогда не давал ей повода усомниться в своей любви, они всегда ладили. Но сейчас был особый случай. Она вспомнила то время, когда он был против удочерения Зои. Но он же любит ее! Все эти мысли роились в голове, словно назойливые мухи.

– Толя! У Зои скоро будет ребенок! – неожиданно выпалила она. Анатолий смотрел на нее и не мог ничего понять.

– Ребенок? Чей? – ошеломленно спросил он. И Галина не придумала ничего лучшего, чем сказать:

– Наш ребенок!

– Как наш? Ты можешь вразумительно объяснить, кто отец ребенка? – нервно спросил Анатолий.

– Отец ребенка – наш сын, – промолвила Галина.

– Лешка? – переспросил Анатолий.

– А у нас что, есть еще один? – в свою очередь раздраженно спросила Галина. Теперь пришла очередь удивляться мужу.

– Алексей – будущий отец? Черт знает что! И что ты, то есть вы думаете делать?

– Вот поэтому я тут. Мне ведь больше не с кем посоветоваться.

– Тебе кто сказал об этом, Зоя?

– Нет, я случайно прочла письмо Алексея.

– Ну, негодяй, ну что удумал! – вскипел Анатолий. – Я ему!.. – но вдруг осекся. – Да, нам следовало этого ожидать. Я ж видел, как они друг за дружкой... Боже, что же делать, что делать?

На них уже начали обращать внимание другие посетители кафе.

– Толя, – тише произнесла Галина. – Ты же помнишь, что Зойка нам не родная.

– Но мы же воспитывали ее, и любим не меньше этого негодяя! – возмущенно произнес Анатолий.

– Толя! Я знаю только одно – необдуманными решениями мы можем поломать их судьбы. Я прошу тебя – доверься мне, я – мать, и я сделаю так, как подскажет мне сердце.

Когда Зоя возвратилась с кладбища, поведение Галины Ивановны ничем не выдавало то, что они узнали их тайну.

– Доченька, идем, я тебя накормлю, – позвала она Зою. – Ну, как, много сегодня людей было на кладбище? Иди, кушай, я приготовила твои любимые голубцы.

Вышедшая из душа дочь поцеловала Галину Ивановну в щеку и радостно сказала:

– Мама! Ты у меня такая классная! Ты всегда знаешь, чего нам с Лешкой хочется!

Галина Ивановна смотрела на Зою. В ее голове не укладывалась одна мысль: как так может случиться, что ее дочь может одновременно быть и ее невесткой? Но тут же она нашла успокоительный довод – ведь они родные не по крови. А если б дети росли в соседних подъездах и все равно полюбили друг друга? «Это ты успокаиваешь себя, – мелькнуло в голове. – Да, мне сейчас намного труднее, чем Зое, когда та узнала от «доброжелателей», что я ей не родная мать. Господи, все перевернулось в голове. Что же делать, что делать?»

– Мама! Мама, что с тобой? Я говорю, а ты молчишь. Тебе плохо? – дочь вскочила и подошла к Галине Ивановне.

– Нет-нет, дочка, это я задумалась, просто считаю, сколько Алексею осталось служить.

Ночью женщина несколько раз вставала и пила успокоительное, чтобы привести нервы в порядок. Она снова и снова возвращалась мыслями к отношениям дочери и сына. «Два месяца», – мысленно произнесла она. Когда ей было особенно трудно, она мыслями обращалась к Господу и перечитывала маленькую книгу «Жизнь Святой Матроны». Так и сейчас, не найдя ответа, она углубилась в привычное чтение.

«Перед родами мать увидела странный сон: еще не родившаяся дочь в виде белой птицы с человеческим лицом и закрытыми глазами села ей на руку. При ее крещении, когда батюшка погружал малютку в купель, над младенцем взметнулся столп света, от которого шло благоухание. Пораженный священник признался, что видит подобное впервые, и предположил, что девочка может стать святой.

В семь лет Матрона огорошила мать заявлением: «Готовься, у меня скоро свадьба». «Не иначе, дочка умом тронулась», – расстроилась та. Но на следующий день она удивилась еще больше. К их дому друг за другом стали подкатывать повозки, и сидящие на них люди спрашивали: «Не здесь ли живет прозорливая девица, которая болезни исцеляет?» «Это ко мне! – кричала родителям Матронушка. – Я ведь говорила, что будет свадьба». «Понятно, – подумала мать, – свадьба со всеми хворыми». С тех пор в их дом стали привозить больных, которых девочка исцеляла молитвами и прикосновениями рук».

Немного успокоившись, Галина Ивановна, наконец, уснула. Утром в воскресенье она решила поговорить с дочерью, не дожидаясь письма сына. Зайдя в ее комнату, она

увидела спящую Зою, слегка укрытую махровым покрывалом. Боясь ее разбудить, она тихо присела рядом, и так же, как и много лет назад, посмотрела на маленькую родинку. Почувствовав ее взгляд, дочь приоткрыла глаза, приподняла голову и спросила:

– Мама, что-то случилось?

Галина Ивановна, погладив ее по волосам, прижалась щекой к ее лицу и тихо сказала:

– Я рада, что у вас будет ребенок.

Опешив, Зоя не верила собственным ушам. Неужели так быстро пришло письмо от Алексея? Нет, этого не может быть! Тогда откуда, откуда мама узнала это?

– Извини меня дочка, я случайно наткнулась на письмо Алексея. Хотела поменять белье и увидела первые строки.

Воцарилось молчание. Зоя не верила в происходящее. Она готовила себя к чему угодно – скандалу, упрекам, но только не к такому повороту событий.

– Мамочка, мамочка, – заплакала она. – Прости меня! Но я люблю Алексея. Нет, – мы любим друг друга. Я понимаю, что сделала тебе больно. Прости меня! Прости меня, мама!

– Зоя, Зоя, доченька! Тебе нельзя волноваться! Успокойся. Я все уже решила! Вы все мои, я вас обоих люблю! И никому, никому не отдам! Ничего, мы переживем косые взгляды и пересуды любопытных. Это не важно! Важно то, что мы вместе!

Зоя еще раз поцеловала маму. Слезы ручьем сбегали по ее щекам.

– Ты у меня самая лучшая мама на земле!

Вскоре возвратился Алексей. Они расписались с Зоей, и решили не устраивать громких застолий, а уехать на неделю на море. Алексей арендовал яхту, и они все дни про-

водили, как тонко заметил сын, в кругосветном свадебном путешествии, бороздя волны синего моря. Шум волн заменял им оркестр, а множество чаек, парящих над яхтой, громко кричали: «Горько, горько!»

Мысль разыскать Антонину не покидала их никогда. После возвращения Алексея из армии поиски возобновилась с новой силой. Он убедил Зою написать в телевизионную передачу розыска пропавших, изложив в письме все, что им было известно. Вскоре ее пригласили на телевидение. В назначенное время они с Алексеем появились в студии.

Зоя сильно волновалась. Понимая, что это, возможно, последний шанс, данный судьбой, она собралась с силами, и когда ведущий предоставил ей слово, начала свой рассказ:

– Я обращаюсь с последней надеждой ко всем, кто смотрит эту передачу. Иногда судьба к нам несправедлива и безжалостна. Когда нам с сестрой не было и года, погибли наши родные, а буквально через несколько месяцев пожар, уничтоживший детский дом, разлучил нас. Она могла умереть еще в машине скорой помощи. Но за ее жизнь несколько дней боролись квалифицированные врачи, и она выжила. Господь помог ей. Ей дали новые имя и фамилию – Антонина Погорелова. Окончив школу-интернат, она пропала. Мы искали ее, писали письма во все инстанции, но тщетно. Прошу вас, помогите найти ее, помогите мне обрести сестру! Ведь мы родились близнецами, и уже много лет ничего не знаем друг о друге. Возможно, сестра до сих пор понятия не имеет, что у нее есть я.

У многих зрителей, сидящих в зале, по лицам текли слезы. А ведущий, сдерживая подкативший к горлу комок, произнес:

– Давайте поможем им встретиться. Если кто-то что-то знает о девочке Антонине Погореловой, учившейся в школе-интернате, отзовитесь. Звоните к нам в студию.

– Отец Михаил, отец Михаил! – взволнованно причитала пожилая прихожанка, вбегая в церковь.

– Что ты так кричишь, баба Нина? Что стряслось?

– А где отец Михаил? –спросила взволнованная старушка.

– Он где-то во дворе. Да не лети ты так!

Но баба Нина, не услышав последней фразы, устремилась во двор. Найдя отца Михаила, она сбивчиво рассказала ему о передаче и о том, что у девочки-прихожанки, которая посещала церковь, нашлась сестра.

– Где она, где она может быть?

– Сестра? – переспросил отец Михаил. – Гм! Найти? Найти, может, и не проблема. А вот вернуть...

Бабка стояла в растерянности, не понимая, о чем именно говорит священник.

– Хорошо, Нина, иди с Богом, а я подумаю, чем этим людям можно помочь. Да, и где ты слышала обэтом?

– Да вот, я тут телефон записала, куда звонить, это передача такая – людей пропавших ищут. А я смотрю регулярно, уж больно жалостливая бывает судьба у многих. Нравиться мне очень, когда находят друг друга. Вот я недавно смотрела передачу...

Но отец Михаил перебил словоохотливую прихожанку:

– Иди, иди с Богом. Сказал, подумаю!

Священник правил службу, а его мысли снова возвращались к Антонине. Раньше он часто встречался с ней в монастыре, когда приезжал проводить службу, но последние два года болезнь не давала возможности ездить на такие дальние расстояния. Отец Михаил видел ее полностью посвятившей себя служению Богу, и ни разу не слышал, чтобы она жаловалась на трудности жизни. Он никак не мог решить, что же для Антонины будет лучше, поэтому не знал, рассказать ей о сестре или

промолчать. Ведь неизвестно, как после такого известия сложится ее жизнь. Ведь не зря говорят – благими намереньями выстлана дорога в ад.

«В ад? – переспросил он сам себя. – Но разве за столько лет не отмолила чьи-то грехи эта безвинная душа?» Он подошел к иконе святого Николая Чудотворца, перекрестился и произнес:

– Знаю, знаю, и ты в замешательстве. Сколько на тебя навалилось. С утра до вечера идут к тебе с верой и надеждой. «Помоги, помоги!» Люди сами не хотят себе помочь, полагаясь на икону. А веровать надо не тогда, когда приспичило или стряслось что-то, а вот так, как Антонина – всегда!!! – с этими словами он достал скомканную записку с телефоном, намереваясь бросить в урну. Но все же что-то его остановило.

– А что будет, если я умру и унесу ее тайну вместе с собой? Что лучше? – он подошел к стоящему на столике телефону, надел очки и набрал номер.

– Это отец Михаил, – представился он собеседнице на другом конце телефонного провода. – Какой Михаил? Настоятель церкви, – он назвал храм, в котором служил. – Ты заешь что, дочка, пришли ко мне ту, которая искала свою сестру. – Собеседница что-то удивленно переспросила. – Ну, ту, что на пожаре горела. Передача у вас намедни была.

До собеседницы наконец-то стал доходить смысл слов отца Михаила.

– Да-да, конечно, мы разыщем и направим ее к вам, – ответила она.

Узнав, что звонивший в студию священник может пролить свет на нынешнее местонахождение Антонины, к отцу Михаилу пришла целая делегация – Зоя, Алексей и Галина Ивановна.

Он усадил их на ту самую скамью, где когда-то по душам говорил с Антониной. Он медлил, а пришедшие его не торопили, боясь обидеть старика.

– Я знаю, где находится ваша сестра, – наконец-то начал он. – Но перед тем как я раскрою тайну, которую она мне доверила, я хочу, чтобы вы дали мне слово не делать ни одного шага без моего благословения. Ибо, поспешив, вы утратите ее навсегда. Завтра я поеду к ней. Постараюсь, не травмируя ее души, рассказать о том, что у нее есть родные. Если она захочет вас видеть, я дам знать, и мы встретимся еще раз, а если нет, то позвоню и извещу вас о ее решении.

– Но где она? И почему она может не захотеть встретиться с нами? – воскликнула Зоя. – Ведь я ее сестра. Я ищу ее уже много лет.

Отец Михаил встал, давая понять, что разговор окончен.

– Ну, вы хотя бы можете сказать, что с ней? – в отчаянии прокричала Зоя. Настоятель обернулся и сказал:

– Она счастлива потому, что служит Богу.

Алексей успокаивал жену:

– Ты же понимаешь – сестра твоя жива, здорова и счастлива. А остальное, я думаю, мы утрясем, и сделаем все возможное, чтобы встретиться с ней.

Приехав в монастырь, отец Михаил первым делом отправился к его настоятельнице. Она очень обрадовалась, так как последний раз видела его два года назад. За чаем они не спеша вспоминали прошлое, а также обсуждали нынешнюю жизнь монастыря. Выждав удобный момент, отец Михаил, как бы невзначай, спросил:

– Скажи, матушка, как поживает послушница Антонина? Настоятельница удивилась неожиданному вопросу.

– Антонина? – словно не расслышав, переспросила она.
– Это одна из лучших моих послушниц. Она работает, не покладая рук, а в свободное время постоянно молится. А что случилось, почему вы спрашиваете о ней?

Отец Михаил, рассказал, ради чего он приехал в монастырь в этот раз.

– Я понимаю – она выбрала путь одиночества, путь к Богу. И Господь был милостив к ней. Но ведь уходя сюда, она не знала, что не одинока. Что есть живая душа, которая страдает и ищет ее.

Матушка помолчала, а затем спросила:

– А она знает об этом?

– Нет-нет, она ничего не знает. Обо всем этом первой я поведал вам.

В душе матушка очень обрадовалась тому, что отец Михаил считается с ее мнением.

– Антонина не приняла постриг, а, значит, вправе вернуться к мирской жизни. Если, конечно, сама того захочет.

– Матушка, я ведь знаю, что если она решится, то не сможет уйти, не получив вашего благословения. Она вся в вашей власти. Но... – он помолчал, – Но наша жизнь практически завершается, как бы мы того не хотели. А она только теперь начинает понимать эту самую жизнь. И пусть, подумав, примет решение самостоятельно.

Антонина очень обрадовалась отцу Михаилу. Все эти два года она часто вспоминала и молилась за его здоровье, боясь, что жизнь не даст им возможности встретиться вновь.

– Дочь моя, – начал разговор священник. – Я приехал сюда, наверное, уже в последний раз. Побывать здесь еще раз, боюсь, не позволит здоровье. Ведь восемьдесят пять лет – это не двадцать. И приехал я только к тебе. Хочу, чтобы ты выслушала и поняла меня, – и он рассказал ей обо всем.

Антонина сидела молча, не выражая никаких эмоций, только изредка крестилась, глядя куда-то в сторону. Она не знала, как воспринять слова священника – ведь всегда была одинока и не понимала, хорошо это, или нет, что нашлась сестра, которую никогда не видела.

– А что вы мне посоветуете, отец Михаил?

– Если ты не встретишься с сестрой, то рано или поздно начнешь корить себя за это.

– Хорошо, отец Михаил, я встречу с ней, – не совсем уверенно сказала Антонина. – Только не знаю, зачем все это. Ведь здесь у меня уже есть сестры.

– Но в вас течет одна кровь, и по родству Зоя самый близкий тебе человек, – ответил священник.

Наконец два совершенно разных человека встретились. Их схожесть не вызывала никаких сомнений, ведь женщины были близнецами, и даже разная одежда не могла скрыть ее. Они сидели, и затянувшееся молчание все больше и больше отдаляло их. Зоя злилась на себя за то, что не может вспомнить тех фраз, которые готовила специально к этой встрече. К счастью, ей в голову наконец-то пришли слова отца Михаила: «Ты должна шаг за шагом отвоевывать ее для себя точно так, как усердно молится твоя сестра...»

– Тоня, я хочу, чтобы мы вместе побывали на могиле наших родителей. Я нашла ее. Мы поставили памятник, и теперь я часто езжу туда и молюсь, чтобы там, в другой жизни, они были счастливы.

Эти слова вызвали интерес Антонины.

– Ты знаешь моих родителей?

Слух Зоя неприятно резануло слово «моих», но обрадованная тем, что сестра наконец-то заговорила с ней, она поспешила продолжить:

– Да, мне многое удалось узнать. И то, где мы оказались,

когда мама с папой погибли, и кто спас тебя, когда бездыханной вынесли из огня и боролись за твою жизнь.

– А фотографии родителей есть?

– Да, на памятнике обе фотографии – и папы, и мамы.

– Когда мы сможем к ним поехать? – спросила Антонина.

– Это зависит только от тебя и от того, когда тебя отпустит матушка.

Через несколько дней они вместе пришли к небольшому памятнику. Антонина опустилась на колени, прижала ладони к груди и начала читать молитву. Зоя стояла, не шевелясь, боясь помешать сестре. Наконец Антонина поднялась, заглянула сестре в глаза и сказала:

– Мне стало легче. Если ты не против, я буду приезжать сюда с тобой, чтобы молиться за них.

– Да-да конечно, – поспешила ответить Зоя.

Через месяц после встречи с отцом Михаилом Антонина зашла к настоятельнице монастыря. И хотя в течение дня они виделись уже несколько раз, во время молитвы и работ, матушка на мгновение растерялась. Она была уверена, что знает, о чем пойдет речь – Антонина пришла просить отпустить ее. «Как мне поступить? – думала она – Запретить? Ведь за эти годы она сама прикипела душой к сестрам, живущим в монастыре». Но в голове занозой сидели, не давая покоя, необычная просьба отца Михаила и его слова, которые врезались в память: «Она вся в вашей власти. Но наша жизнь практически завершается, как бы мы этого не хотели. А она только теперь начинает понимать эту самую жизнь. И пусть, подумав, примет решение самостоятельно.»

Из размышлений ее вывели слова Антонины:

– Матушка! Матушка! – повторила она. – Я хочу с вами поговорить.

– О чем, дочь моя? – сделав вид, что не догадывается, о чем пойдет речь, спросила матушка.

– Вы знаете, что у меня нашлась сестра, а также могилка моих родителей. Я благодарна вам за то, что вы разрешили мне проведывать их. Но я хочу, чтобы вы знали, и главное, знали первой, ведь о своем решении пока не сказала сестре, – я остаюсь в монастыре. Это решение мною принято давно, еще тогда, когда я написала вам письмо. Я нашла себя в молитвах и служении Господу. Я должна молиться Богу, чтобы отмолить все грехи, которые, возможно, были когда-то совершены моими родителями.

Матушка подошла к Антонине, молча поцеловала ее в лоб и перекрестила, а затем сказала:

– Любое твоё решение правильное. До пострига ты вправе решать так, как подсказывает сердце, как подсказывает Господь.

Антонина вышла, а матушка еще долго сидела, вспоминая свою так быстро пролетевшую жизнь, отданную служению Всевышнему. В Антонине она во многом узнавала себя.

Прошло почти полтора года с тех пор, как состоялась первая встреча сестер. За это время Зоя родила мальчика, и материнские заботы на какое-то время прервали их общение с сестрой. Но, несмотря на сложные отношения, она все это время помнила о ней и скучала, теша себя надеждой, что когда-нибудь ей удастся вырвать Антонину из монастыря.

Однажды, оставив малыша на Галину Ивановну, Зоя поехала в женскую обитель. Встретившись с сестрой, она с удивлением почувствовала, что отношение Антонины к ней изменилось. Она уже не так холодно смотрела на сестру и расспрашивала, была ли та на могиле у родителей. Узнав,

что сестра родила малыша, спросила, как его назвали.

– Михаилом, в честь того, кто помог разыскать тебя, – ответила Зоя. Она почувствовала, что эти слова растрогали Антонину – та на мгновение отвернулась, смахнула набежавшую слезу, перекрестила сестру и сказала:

– Господи, благослови Михаила, освяти, сохрани силою животворящего Креста твоего!

Зоя уже несколько раз хотела поговорить о возвращении Антонины к мирской жизни. Но та, как будто бы почувствовав, что мучает ее сестру, сама завела этот разговор.

– Сестра! У меня было время подумать при свете горящей свечи, перед образом Господа нашего о своей жизни. Я очень благодарна за то, что ты нашла меня. Я очень тебя полюбила. Хотя сначала и не понимала, зачем мне все это. Но сейчас точно знаю – вы нужны мне, вы придаете мне сил в служении Богу. Я часто молюсь за вас – тебя, Михаила, память моих родителей. Не знаю, как бы сложилась моя судьба, если бы мы не разлучились, но видно, так угодно было Господу. Ему нужны те, кто преданно служит ему. И он выбрал меня!

Прошли годы. Пройдя постриг в иночество, а через несколько лет – в монашество, матушка Антонина была назначена настоятельницей женского монастыря.

Николай ЦУКАНОВ

